

ИОСИФ БРОДСКИЙ

24 мая 1940 — 28 января
1996

- Иосиф Бродский родился в Ленинграде в 1940 году. Спустя 42 года в интервью голландскому журналисту он так вспоминал о родном городе:
- *«Ленинград формирует твою жизнь, твоё сознание в той степени, в какой визуальные аспекты жизни могут иметь на нас влияние <...> Это огромный культурный конгломерат, но без безвкусицы, без мешанины. Удивительное чувство пропорции, классические фасады дышат покоем. И все это влияет на тебя, заставляет и тебя стремиться к порядку в жизни, хотя ты и сознаешь, что обречен. Такое благородное отношение к хаосу, выливающееся либо в стоицизм, либо в снобизм».*

«Вообще у меня по отношению к морскому флоту довольно замечательные чувства. Уж не знаю, откуда они взялись, но тут и детство, и отец, и родной город... Как вспомню Военно-морской музей, Андреевский флаг — голубой крест на белом полотнище... Лучшего флага на свете вообще нет!»

- В первый год войны после блокадной зимы 1941–1942 годов мать Иосифа Мария Вольперт вывезла его в эвакуацию в Череповец, где они жили до 1944 года. Вольперт служила переводчиком в лагере для военнопленных, а отец Бродского, морской офицер и фотокорреспондент Александр Бродский, участвовал в обороне Малой земли и прорыве блокады Ленинграда. Вольперт служила переводчиком в лагере для военнопленных, а отец Бродского, морской офицер и фотокорреспондент Александр Бродский, участвовал в обороне Малой земли и прорыве блокады Ленинграда. К семье он вернулся лишь в 1948 году и продолжил службу начальником фотолаборатории Центрального Военно-морского музея.

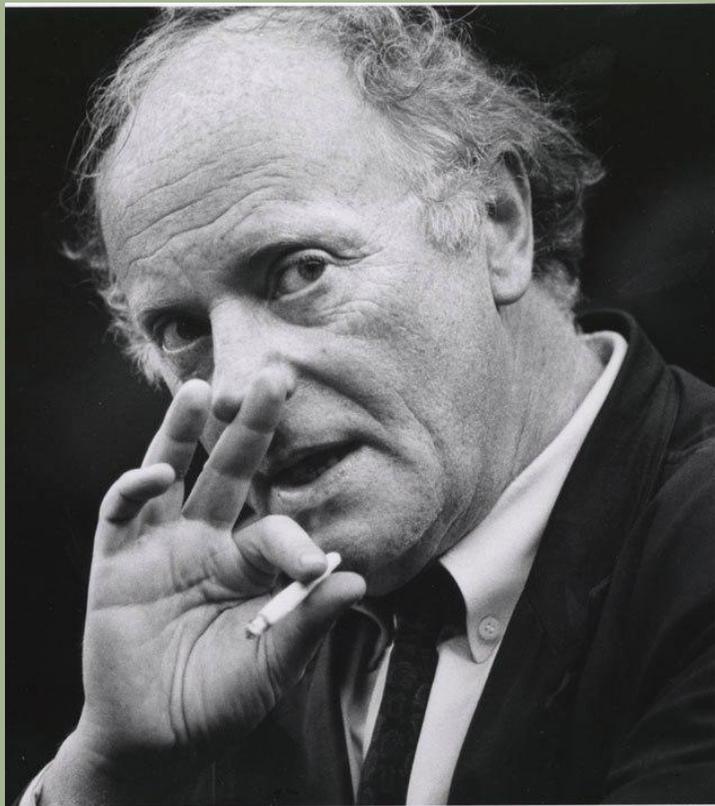
Иосиф часто менял школы; не увенчалась успехом и его попытка поступить после седьмого класса в морское училище. В 1955 году он ушел из восьмого класса и устроился на завод «Арсенал» фрезеровщиком. Затем работал помощником прозектора в морге, кочегаром, фотографом. Наконец, он присоединился к группе геологов и несколько лет участвовал в экспедициях, в ходе одной из которых открыл небольшое месторождение урана на Дальнем Востоке. В это же время будущий поэт активно занимался самообразованием, увлекся литературой. Сильнейшее впечатление на него произвели стихи **Евгения Баратынского** и Бориса Слуцкого.

**Поэт Николай
Рубцов
рассказывал
об этом
выступлении
в письме:**

- **В Ленинграде о Бродском заговорили в начале 1960-х годов, когда он выступил на поэтическом турнире в ДК имени Горького.**
- *«Конечно же, были поэты и с декадентским душком. Например, Бродский. <...> Взявшись за ножку микрофона обеими руками и поднеся его вплотную к самому рту, он громко и картаво, покачивая головой в такт ритму стихов, читал:
У каждого свой храм!
У каждого свой гроб!
Шуму было! Одни кричат:
— При чем тут поэзия?!
— Долой его!
Другие вопят:
— Бродский, еще!»*

*«Фраза Ахматовой
«Вы сами
не понимаете, что
вы написали!»
после
чтения «**Большой
элегии Джону
Донну**» вошла
в персональный
миф Бродского как
момент
инициации».*

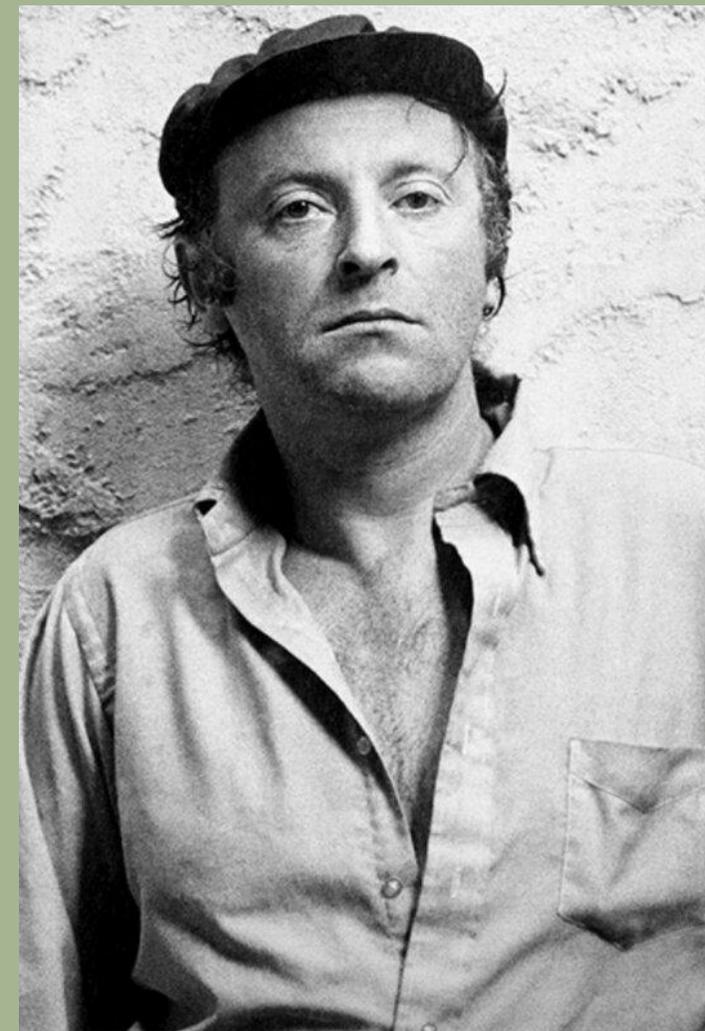
- Тогда же Бродский начал общаться с поэтом Евгением Рейном. В 1961 году Рейн представил Иосифа Анне Ахматовой. Хотя в стихах Бродского обычно замечают влияние Марины Цветаевой, с творчеством которой он впервые познакомился в начале 1960-х, именно Ахматова стала его очным критиком и учителем. Поэт Лев Лосев писал:

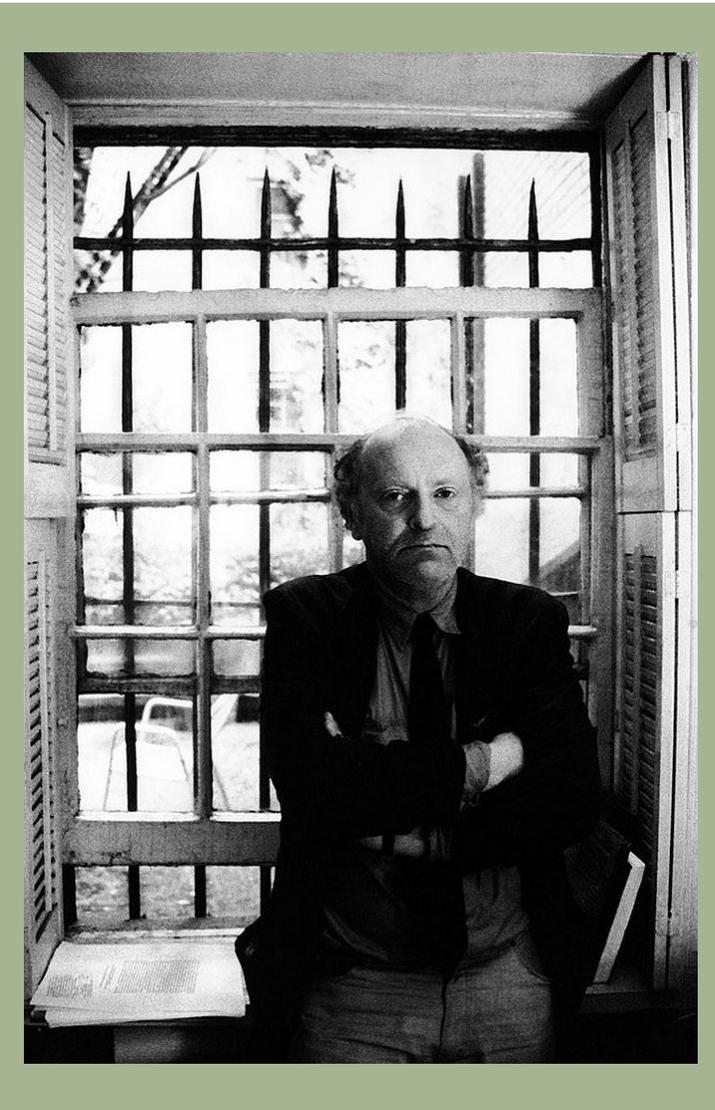
- В 1963 году после выступления на пленуме ЦК КПСС первого секретаря ЦК Никиты Хрущева среди молодежи начали искоренять *«лежебок, нравственных калек и нытиков»*, пишущих на *«птичьем жаргоне бездельников и недоучек»*. Мишенью стал и Иосиф Бродский, которого к этому времени дважды задерживали правоохранительные органы: в первый раз за публикацию в рукописном журнале **«Синтаксис»**, во второй — по доносу знакомого. Сам он не любил вспоминать о тех событиях, потому что считал: биография поэта — лишь *«в его гласных и шипящих, в его метрах, рифмах и метафорах»*.

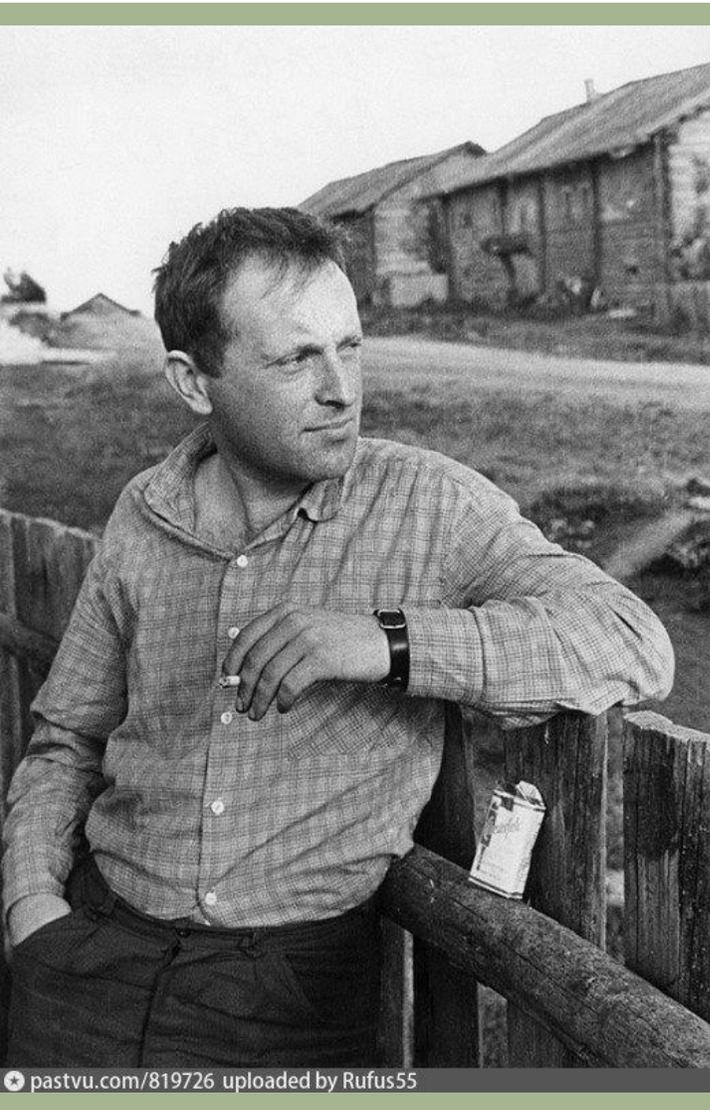
- В газете «Вечерний Ленинград» от 29 ноября 1963 года появилась статья «Окололитературный трутень», авторы которой клеймили Бродского, цитируя не его стихи и жонглируя выдуманными фактами о нем. 13 февраля 1964 года Бродского снова арестовали. Его обвинили в тунеядстве, хотя к этому времени его стихи регулярно печатались в детских журналах, издательства заказывали ему переводы. О подробностях процесса весь мир узнал благодаря московской журналистке Фриде Вигдоровой, которая присутствовала в зале суда. Записи Вигдоровой были переправлены на Запад и попали в прессу.

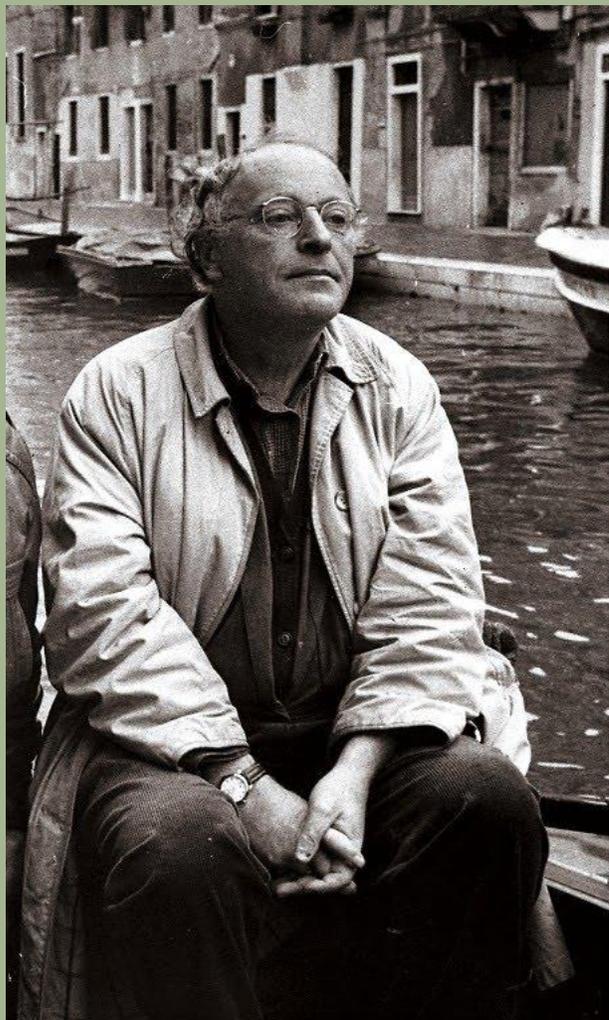
- Судья: *Чем вы занимаетесь?*
Бродский: *Пишу стихи. Перевожу. Я полагаю...*
Судья: *Никаких «я полагаю». Стойте как следует! Не прислоняйтесь к стенам! <...>*
У вас есть постоянная работа?
Бродский: *Я думал, что это постоянная работа.*
Судья: *Отвечайте точно!*
Бродский: *Я писал стихи! Я думал, что они будут напечатаны. Я полагаю...*
Судья: *Нас не интересует «я полагаю».*
Отвечайте, почему вы не работали?
Бродский: *Я работал. Я писал стихи.*
Судья: *Нас это не интересует...*

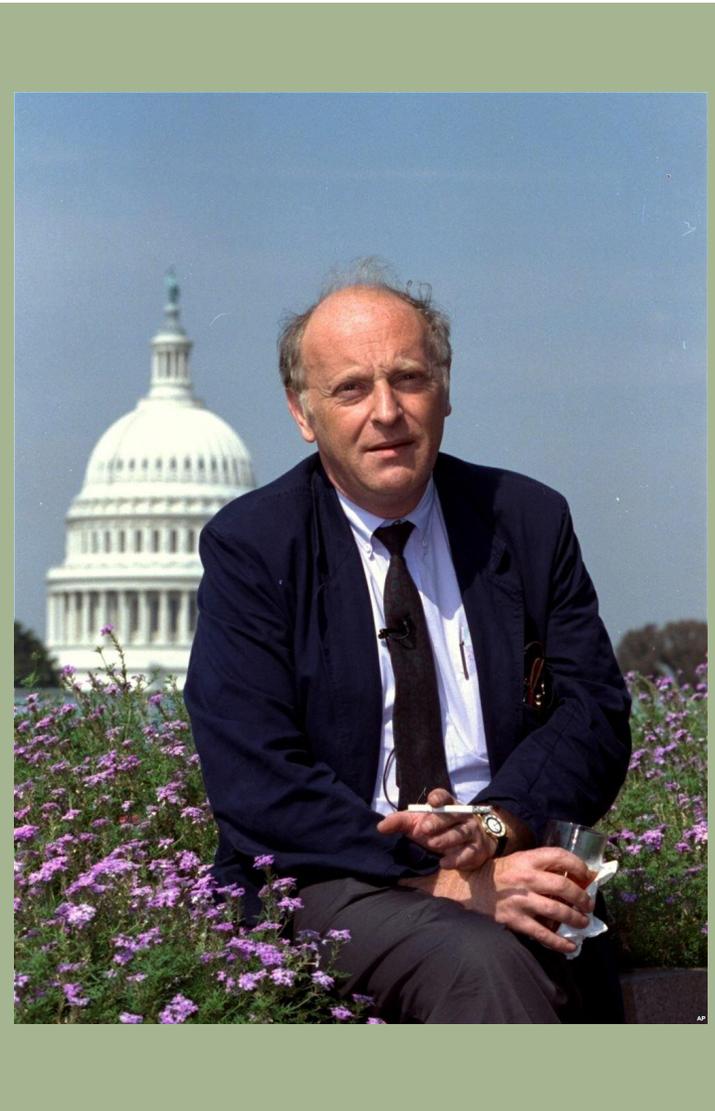
- Свидетелями защиты выступили поэт Наталья Грудинина и видные ленинградские профессора-филологи и переводчики Ефим Эткинд и Владимир Адмони. Они пытались убедить суд, что литературный труд нельзя приравнять к тунеядству, а опубликованные Бродским переводы выполнены на высоком профессиональном уровне. Свидетели обвинения не были знакомы с Бродским и его творчеством: среди них оказались завхоз, военный, рабочий-трубоукладчик, пенсионер и преподавательница марксизма-ленинизма. Представитель Союза писателей также выступил на стороне обвинения. Приговор был вынесен суровый: высылка из Ленинграда на пять лет с обязательным привлечением к труду.

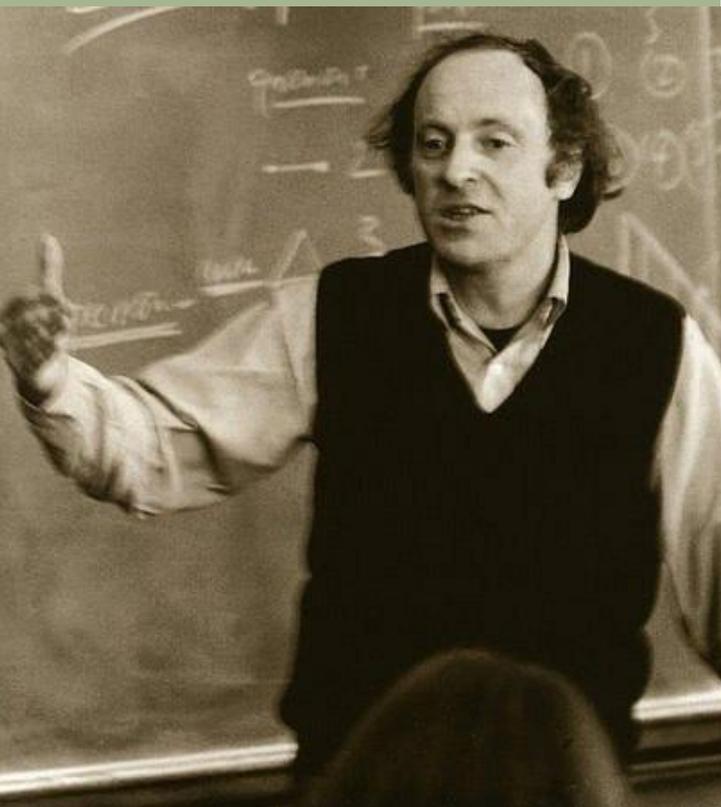
- Бродский поселился в деревне Норенской Архангельской области. Работал в совхозе, а в свободное время много читал, увлекся английской поэзией и стал учить английский язык. О досрочном возвращении поэта из ссылки хлопотали Фрида Вигдорова и писательница Лидия Чуковская. Письмо в его защиту подписали **Дмитрий Шостакович**, **Самуил Маршак**, Корней Чуковский, **Константин Паустовский**, Александр Твардовский, Юрий Герман и многие другие. За Бродского вступился и «друг Советского Союза» французский философ Жан-Поль Сартр. В сентябре 1965 года Иосиф Бродский был официально освобожден.

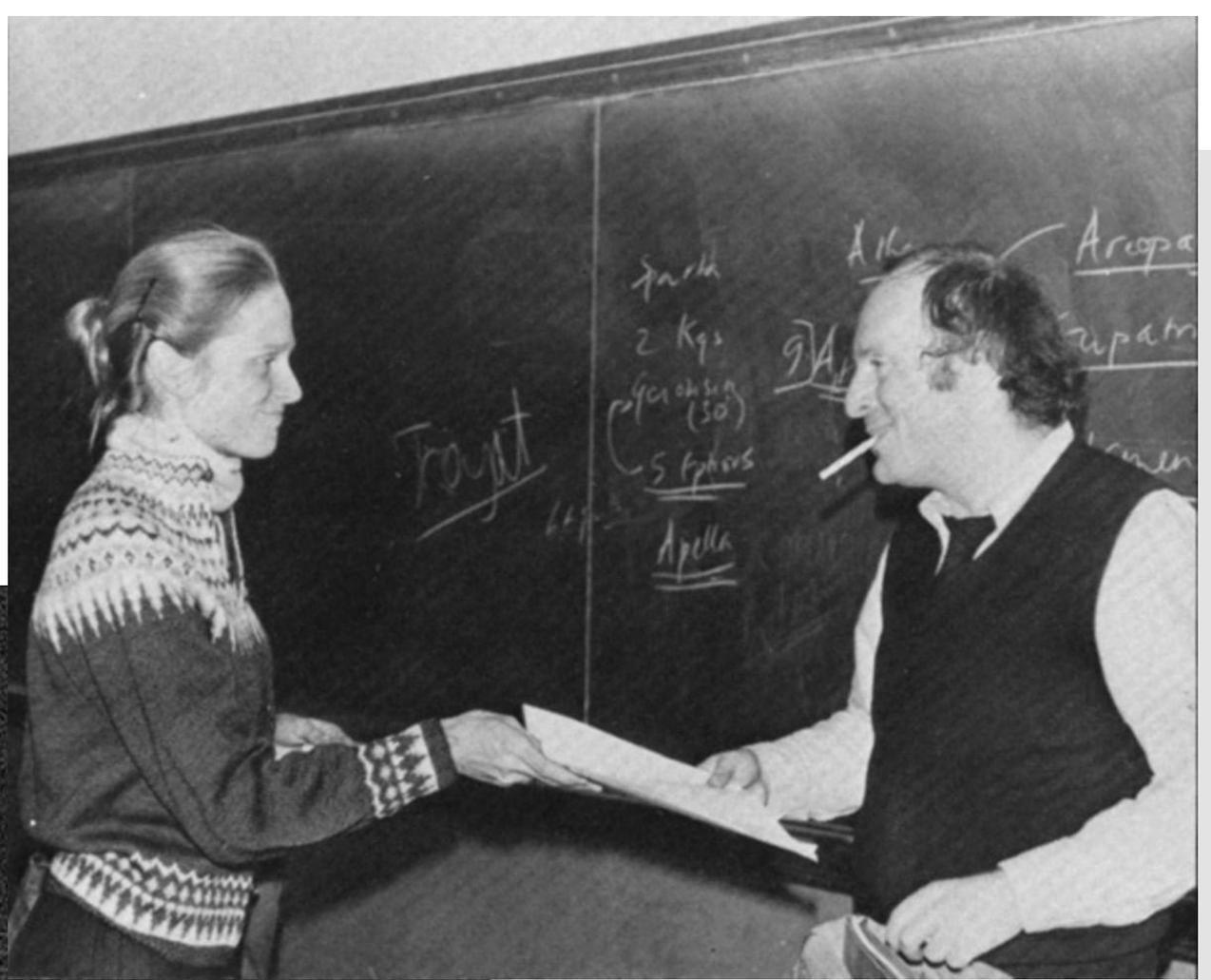
- В том же году в США вышел первый сборник стихов Бродского, подготовленный без ведома автора на основе переправленных на Запад материалов самиздата. Следующая книга, «Остановка в пустыне», вышла в Нью-Йорке в 1970 году — она считается первым авторизованным изданием Бродского. После ссылки поэта зачислили в некую «профессиональную группу» при Союзе писателей, что позволило избежать дальнейших подозрений в тунеядстве. Но на родине печатали только его детские стихи, иногда давали заказы на переводы поэзии или литературную обработку дубляжа к фильмам. В мае 1972 года его вызвали и предложили покинуть страну, чтобы избежать новых преследований.
- Иосиф Бродский вылетел в Вену. В Ленинграде остались его родители, друзья, бывшая возлюбленная Марианна Басманова, которой посвящена практически вся любовная лирика Бродского, и их сын.

- В ходе жизни в Америке Бродского беспокоили постоянные проблемы с сердцем. К маю 1987 г. поэт перенес три сердечных приступа (первый – в 1980 г.). Инфаркты залечивались в Пресвитерианской больнице (штат Нью - Джерси).

- В Вене поэта встретил американский издатель Карл Проффер. Бродскому предложили место в Мичиганском университете. Должность называлась poet-in-residence (буквально: «поэт в присутствии») и предполагала общение со студентами в качестве приглашенного литератора.
- В 1977 году Бродский получил американское гражданство.
- При его жизни было издано пять поэтических сборников, содержащих переводы с русского на английский и стихи, написанные им по-английски.
- Но на Западе Бродский прославился прежде всего как автор многочисленных эссе. Сам себя он определял как *«русского поэта, англоязычного эссеиста и, конечно, американского гражданина»*.

Если мы имеем дело с исключительным и великим случаем, как с Иосифом и <...> как с Буниным, как с Набоковым, человек вывозит с собою нечто, что становится... Он как бы внутри себя может плодить русский язык и совершенно в этом преуспевает. Ему необязательно слышать, как вокруг говорят. <...> Будучи разлучен с бытовой речью, он сам становится плодородной почвой русского языка.

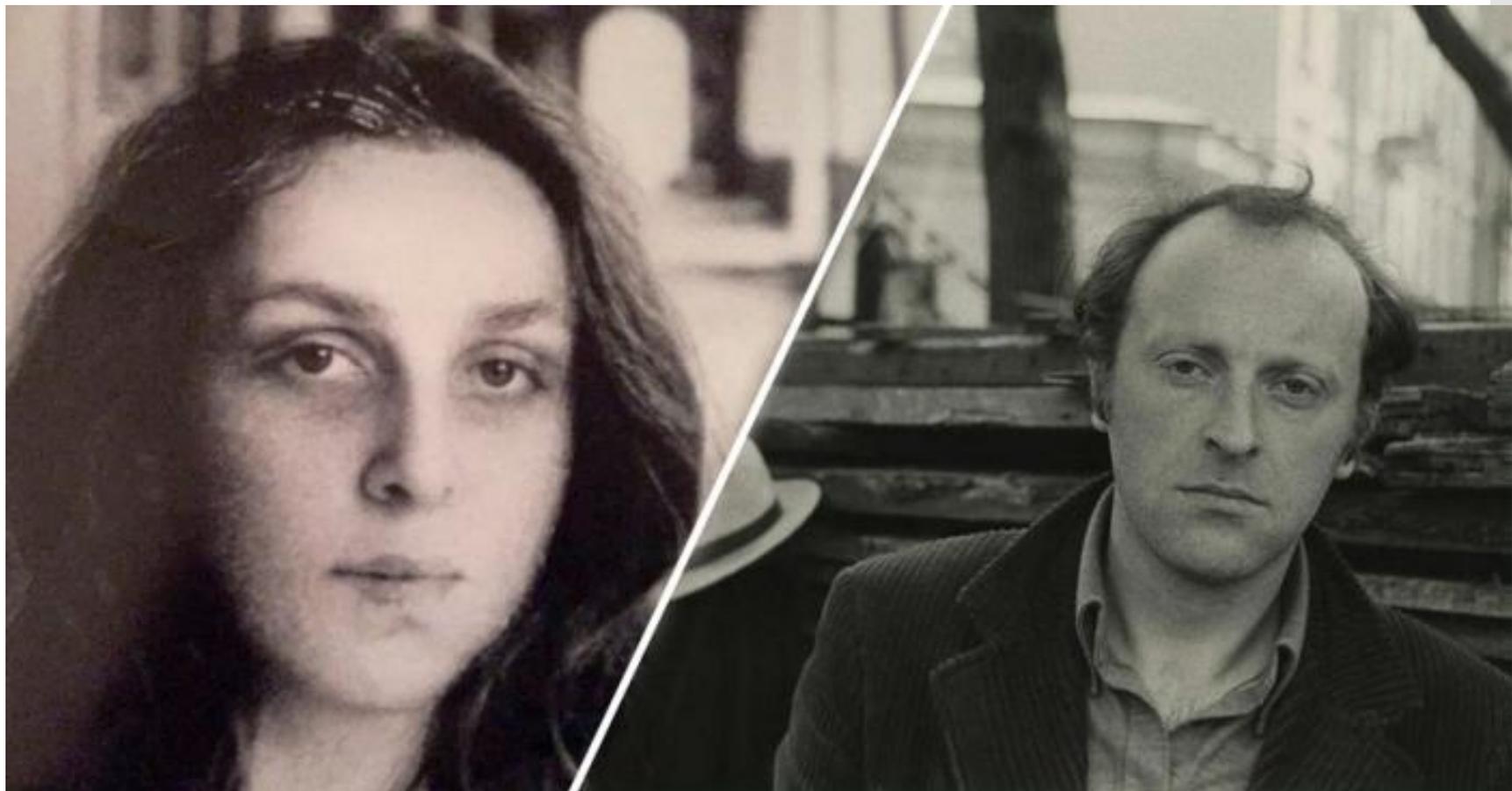

- В 1987 году Иосифу Бродскому была присуждена Нобелевская премия по литературе с формулировкой «За всеобъемлющую литературную деятельность, отличающуюся ясностью мысли и поэтической интенсивностью». В 1991 году Бродский занял пост поэта-лауреата США — консультанта Библиотеки Конгресса и запустил программу «Американская поэзия и грамотность» по распространению среди населения дешевых томиков стихов.

- После получения Нобелевской премии Бродский чрезвычайно много времени и сил посвятил трудоустройству и просто устройству в Америке многочисленных иммигрантов из России - писателей, ученых, знакомых, знакомых знакомых и так далее. Писание рекомендательных писем, телефонные звонки, визиты к нужным людям... Он, как локомотив, ввел в новое культурное, экономическое и социальное пространство большой массив людей, но, к сожалению, далеко не все из них оказались достойны его усилий и хлопот, далеко не все оказались даже элементарно благодарны...

Женщины в жизни Бродского

- Иосиф Бродский обошел всех собратьев по перу по числу посвящений одной единственной женщине — загадочной «М.Б.» Все его стихи были посвящены художнице Марине Басмановой, которую поэт даже считал своей невестой. Однако судьба распорядилась так, что пара рассталась – Марина ушла к другу Бродского в новогоднюю ночь. Тем не менее, эта девушка оставила в душе поэта настолько глубокий след, что даже спустя 7 лет, в 1971 году, он посвятил ей стихотворение «Любовь»

«Слушай, Ося, кончай ты, это... людей пугать. Если когда-нибудь в самом деле решишь покончить с собой, попроси меня объяснить, как это делается». Бродский совету внял, больше «не пугал», но легче от этого никому не стало.

- Иосиф Бродский и Марина Басманова впервые встретились 2 марта 1962 года. Поэту еще не было и 22 лет, Марина двумя годами его старше. Это была любовь с первого взгляда. С того дня они уже не расставались.

Но не все было гладко уже тогда. Ни отец Басмановой, ни родители Бродского не одобряли их отношения. А главное — сама Басманова не хотела выходить замуж. Влюбленные часто ссорились и то и дело «расставались навсегда». После таких размолвок Иосиф впадал в жесточайшую депрессию. Нередко он заходил к своим друзьям Штернам мрачный, как сфинкс, со свежими окровавленными бинтами на запястьях и молча курил на кухне сигареты одну за другой. Людмила Штерн очень боялась, как бы впечатлительный поэт и вправду не наложил на себя руки. Поэтому, когда в очередной раз Бродский появился к ним с перебинтованными руками, Виктор Штерн сказал ему напрямик:

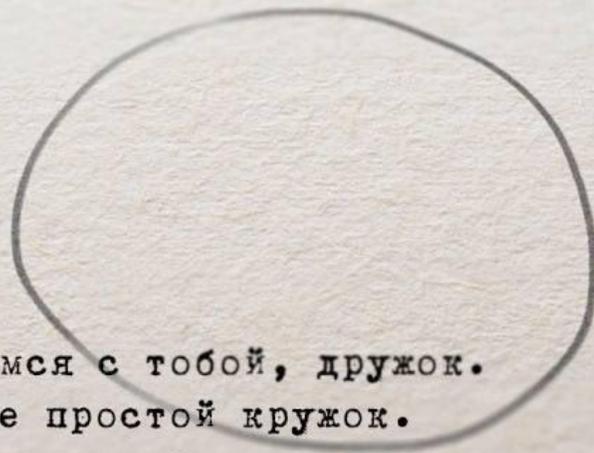
Навсегда
расстаёмся с тобой,
ДРУЖОК.

Нарисуй на бумаге
простой **кружок.**

Это буду я: ничего внутри.

Посмотри на него -
и потом
сотри.

Иосиф Бродский

Навсегда расстаемся с тобой, дружок.

Нарисуй на бумаге простой кружок.

Это буду я: ничего внутри.

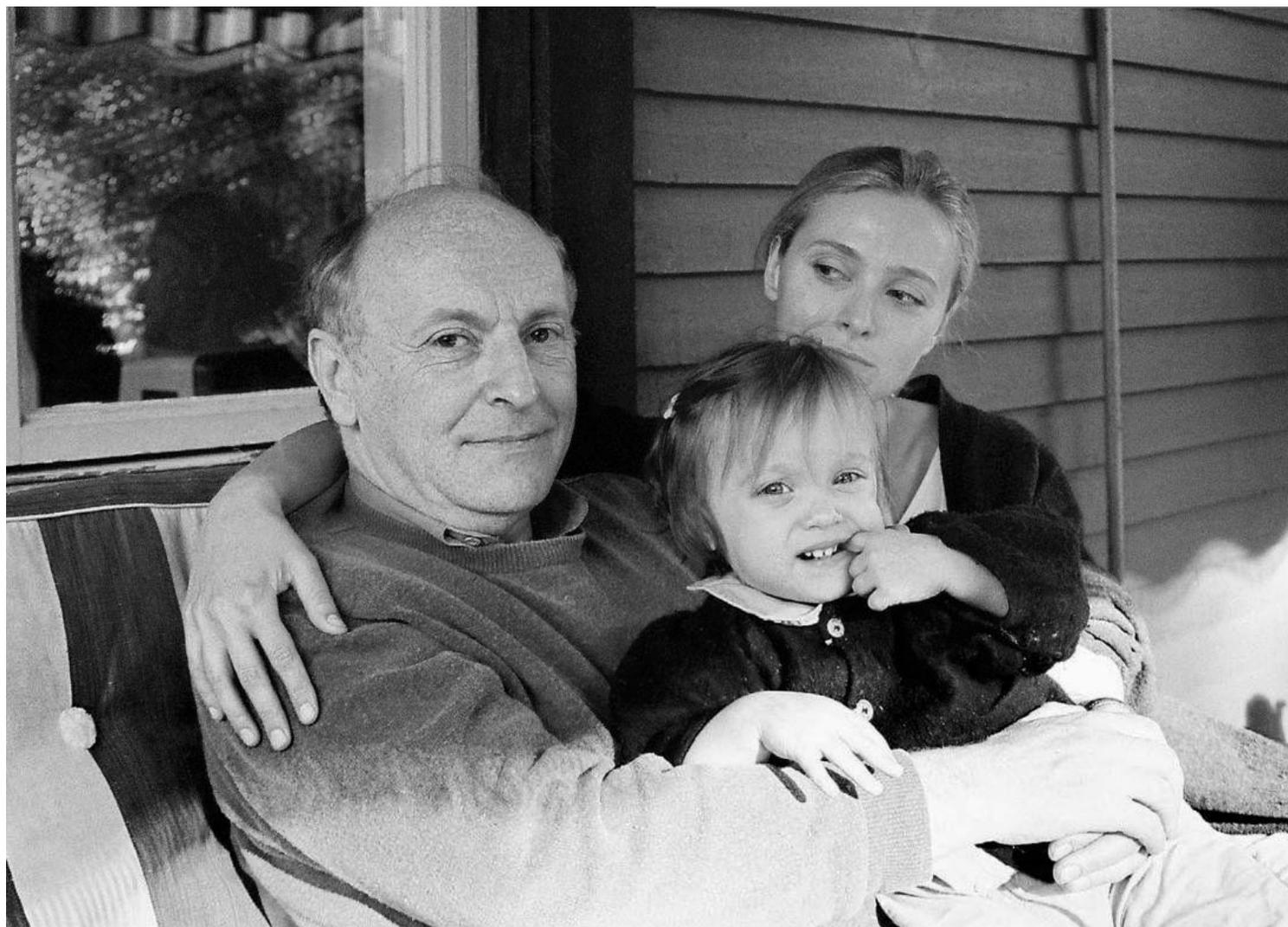
Посмотри на него - и потом сотри.

Иосиф Бродский

- В январе 1990 г. на лекции в Сорбонне Бродский увидел среди своих студентов Марию Соццани, красавицу-итальянку русского происхождения.
- Близкие друзья Бродского утверждают, что пять лет с Марией были для него счастливее, нежели предыдущие пятьдесят.
- Бродский был старше Марии на 25 лет, сам он будто даже и удивлялся так причудливо сложившейся судьбе. И говорил своим старым друзьям: «Я - Иосиф. Она - Мария. Может быть, у нас что-нибудь и получится».

Немыслимое
счастье
осуществилось — 1
сентября Иосиф
Бродский и Мария
Соццани
поженились. Через
три года в 1993 году
у них родилась
дочь—Анна
Александра Мария,
по-домашнему
просто Нюха... С
дочкой Бродский
говорил по-
английски.

- Субботним вечером 27 января 1996 года в Нью-Йорке Бродский готовился ехать в Саут-Хэдли и собрал в портфель рукописи и книги, чтобы завтра взять с собой. Пожелав жене спокойной ночи, Бродский сказал, что ему нужно ещё поработать, и поднялся к себе в кабинет. Утром, на полу в кабинете его и обнаружила жена. Бродский был полностью одет. На письменном столе рядом с очками лежала раскрытая книга — двуязычное издание греческих эпиграмм. Сердце, по мнению медиков, остановилось внезапно — инфаркт, поэт умер в ночь на 28 января 1996 года.

- В январе **1996** года Иосифа Бродского не стало. Его похоронили в одном из любимых городов — Венеции, на старинном кладбище на острове Сан-Микеле.

Ни страны,
ни погоста
не хочу выбирать.
На Васильевский
остров
я приду умирать.
Твой фасад темно-
синий
я впотьмах
не найду.
между выцветших
линий
на асфальт упаду.

И душа, неустанно
попешая во тьму,
промелькнет над
мостами
в петроградском
дыму,
и апрельская
морось,
над затылком
снежок,
и услышу я голос:
— До свиданья,
дружок.

И увижу две жизни
далеко за рекой,
к равнодушной
отчизне
прижимаясь
щекой.
— словно девочки-
сестры
из непрожитых
лет,
выбегая на остров,
машут мальчику
вслед.

- А в февральском номере «Огонька» вышла незабываемая черно-белая обложка. На ней были написаны два простых слова – «Умер Иосиф Бродский». Честно говоря, его посмертная слава абсолютно затмила все, что было до этого. Страна – вот как раз после этой обложки – вдруг резко осознала, кого именно она потеряла. Бродский был символом изгнания. Символом раскола страны на две страны. Символом страдания человека, которому не дают писать, говорить, дышать. Все это стало ясно, как-то сразу и непреложно. В день его смерти. До этого дня никто про Бродского толком ничего не понимал. Он просто был далекой, закрытой, загадочной для нас фигурой.

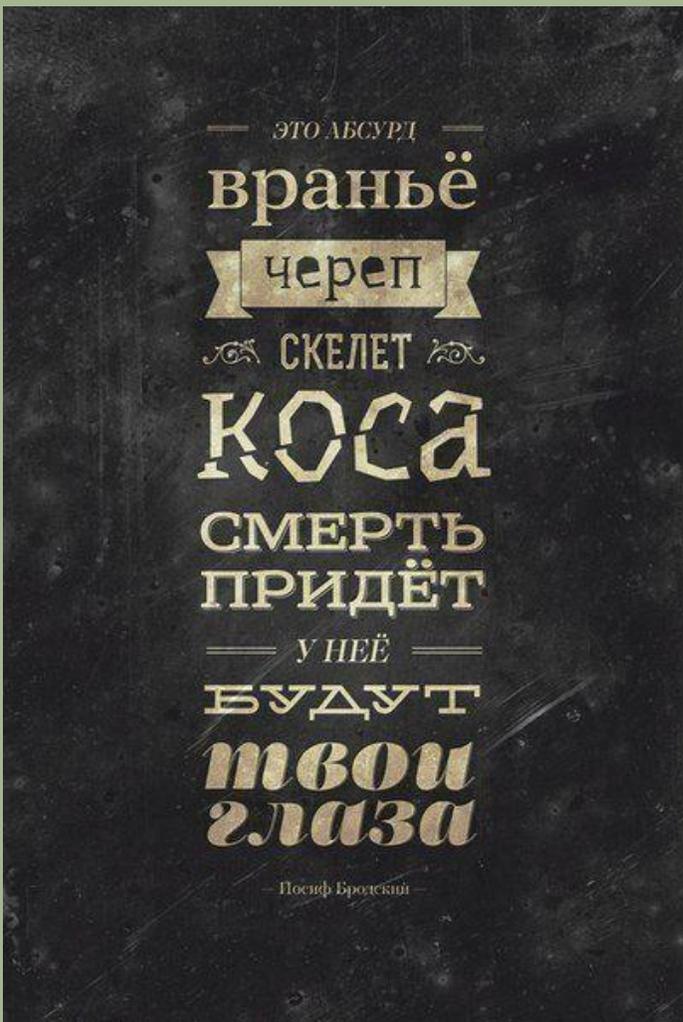
- Переживи всех.
Переживи вновь,
словно они — снег,
пляшущий снег снов.
- Переживи углы.
Переживи углом.
Перевяжи узлы
между добром и злом.
- Но переживи миг.
И переживи век.
Переживи крик.
Переживи смех.
- Переживи стих.
- Переживи всех.

Когда теряет равновесие
твоё сознание усталое,
когда ступеньки этой лестницы
уходят из-под ног,
как палуба,
когда плюёт на человечество
твоё ночное одиночество, —
ты можешь
размышлять о вечности
сомневаться в непорочности
идей, гипотез, восприятия
произведения искусства,
— кстати — самого зачатия
Мадонной сына Иисуса.
лучше поклоняться данности
с глубокими её могилами,
которые потом,
за давностью,

покажутся такими милыми

Да.
Лучше поклоняться данности
с короткими её дорогами,
которые потом до странности
покажутся тебе широкими,
покажутся большими,
пыльными,
усеянными компромиссами,
покажутся большими крыльями
покажутся большими птицам.
Да. Лучше поклоняться данности
с убогими её мерилami,
которые потом до крайности
послужат для тебя перилами
(хотя и не особо чистыми),
удерживающими в равновесии
твои хромящие истины
на этой выщербленной лестнице

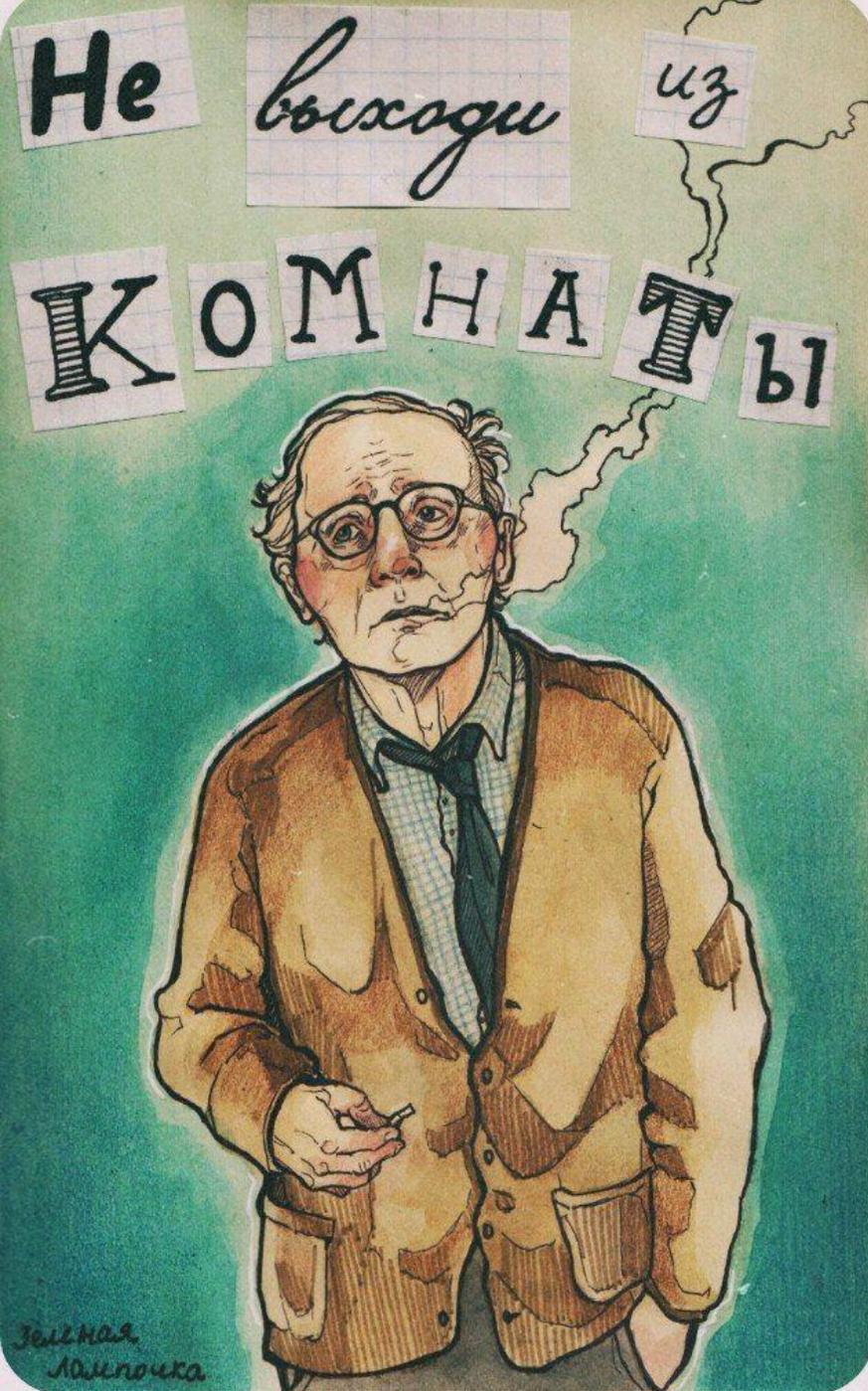

9.

Вещь. Коричневый цвет
вещи. Чей контур стерт.
Сумерки. Больше нет
ничего. Натюрморт.

Смерть придет и найдет
тело, чья гладь визит
смерти, точно приход
женщины, отразит.

Это абсурд, вранье:
череп, скелет, коса.
«Смерть придет, у нее
будут твои глаза».

Не выходи из комнаты, не совершай ошибку.
Зачем тебе Солнце, если ты куришь Шипку?
А дверью бессмысленно всё, особенно — возглас счастья.
Только в уборную — и сразу же возвращайся.

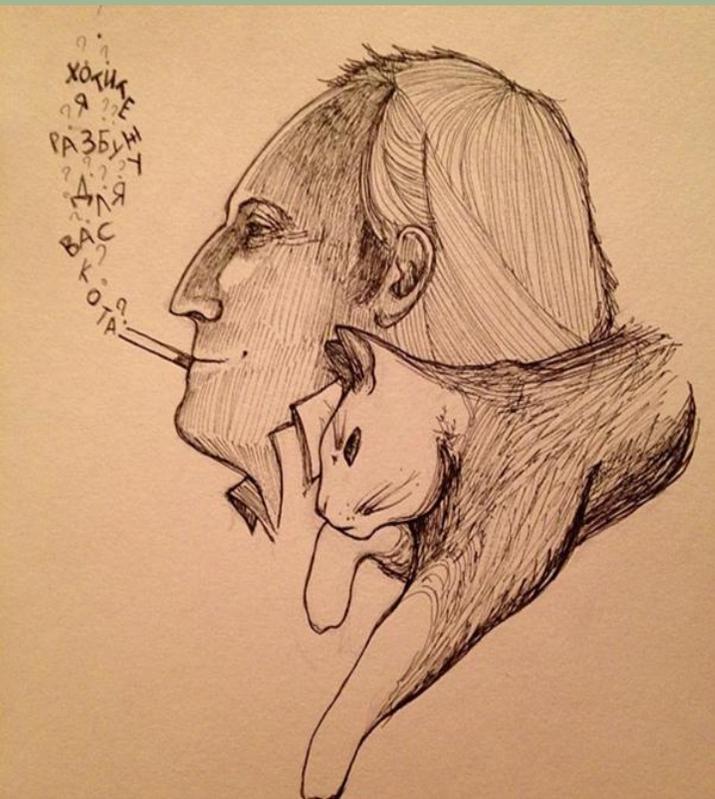
О, не выходи из комнаты, не вызывай мотора.
Потому что пространство сделано из коридора
и кончается счётчиком. А если войдёт живая
милка, пасть разевая, выгони не раздевая.

Не выходи из комнаты; считай, что тебя продуло.
Что интересней на свете стены и стула?
Зачем выходить оттуда, куда вернёшься вечером
таким же, каким ты был, тем более — изувеченным?

О, не выходи из комнаты. Танцуй, поймав, боссанову
в пальто на голое тело, в туфлях на босу ногу.
В прихожей пахнет капустой и мазью лыжной.
Ты написал много букв; ещё одна будет лишней.

Не выходи из комнаты. О, пускай только комната
догадывается, как ты выглядишь. И вообще инкогнито
эрго сум, как заметила форме в сердцах субстанция.
Не выходи из комнаты! На улице, чай, не Франция.

Не будь дураком! Будь тем, чем другие не были.
Не выходи из комнаты! То есть дай волю мебели,
слейся лицом с обоями. Запрись и забаррикадируйся
шкафом от хроноса, космоса, эроса, расы, вируса.

Я не то что схожу с ума, но устал за лето.
За рубашкой в комод полезешь, и день
потерян.

Поскорей бы, что ли, пришла зима
и занесла всё это —
города, человек, но для начала зелень.
Стану спать не раздевшись или читать
с любого
места чужую книгу, покамест остатки года,
как собака, сбежавшая от слепого,
переходят в положенном месте асфальт.
Свобода —
это когда забываешь отчество у тирана,
а слюна во рту слаще халвы Ширази,
и, хотя твой мозг перекручен, как рог
барана,
ничего не каплет из голубого глаза.

Сохрани мою тень. Не могу объяснить. Извини.
Это нужно теперь. Сохрани мою тень, сохрани.
За твоею спиной умолкает в кустах беготня.
Мне пора уходить. Ты останешься после меня.
До свиданья, стена. Я пошел. Пусть приснятся
кусты.
Вдоль уснувших больниц. Освещенный луной. Как
и ты.
Постараюсь навек сохранить этот вечер в груди.
Не сердись на меня. Нужно что-то иметь позади.

Ниоткуда с любовью, надцатого марта
дорогой, уважаемый, милая, но не важно
даже кто, ибо черт лица, говоря
откровенно, не вспомнить уже, не ваш, но
и ничей верный друг вас приветствует с
из пяти континентов, держащегося на ко
Я любил тебя больше, чем ангелов и сам
и поэтому дальше теперь
от тебя, чем от них обоих.
Далеко, поздно ночью, в долине, на самом
в городке, занесенном снегом по ручку дв
извиваясь ночью на простыне,
как не сказано ниже, по крайней мере,
я взбиваю подушку мычащим «ты»,
за горами, которым конца и края,
в темноте всем телом твои черты
как безумное зеркало повторяя.

Холмы — это наша юность, гоним ее,
не узнав. Холмы — это сотни улиц,
холмы — это сонм канав. Холмы — это
боль и гордость.

Холмы — это край земли. Чем выше
на них восходишь, тем больше их видишь
вдали.

Холмы — это наши страдания.

Холмы — это наша любовь. Холмы — это вечная слава.
Холмы — это крик, рыдание, Ставят всегда на показ
уходят, приходят вновь. на наши страдания право.
Свет и безмерность боли, Холмы — это выше нас.
наша тоска и страх, Всегда видны их вершины,
наши мечты и горе, видны среди кромешной тьмы.
все это — в их кустах.

Присно, вчера и ныне
по склону движемся мы.
Смерть — это только равнины.
Жизнь — холмы, холмы.

«Новые стансы к Августе»

Да, сердце рвется все
сильней к тебе,
и оттого оно — все
дальше.
И в голосе моем все
больше фальши.
Но ты ее сочти за долг
судьбе,
за долг судьбе,
не требующей крови
и ранящей иглой тупой.
А если ты улыбку
ждешь — постой!
Я улыбнусь. Улыбка
над собой
могильной
долговечней кровли
и легче дыма над
печной трубой.

Отрывок из знаменитой речи Иосифа Бродского, которую он произнес на стадионе в декабре 1988 года перед выпускниками Мичиганского университета.

1. Всячески избегайте приписывать себе статус жертвы.

- Каким бы отвратительным ни было ваше положение, старайтесь не винить в этом внешние силы: историю, государство, начальство, расу, родителей, фазу луны, детство, несвоевременную высадку на горшок — меню обширное и скучное. В момент, когда вы возлагаете вину на что-то, вы подрываете собственную решимость что-нибудь изменить и увеличиваете вакуум безответственности, который так любят заполнять демоны и демагоги, ибо парализованная воля — не радость для ангелов. Вообще, старайтесь уважать жизнь не только за ее прелести, но и за ее трудности. Они составляют часть игры, и хорошо в них то, что они не являются обманом. Всякий раз, когда вы в отчаянии или на грани отчаяния, когда у вас неприятности или затруднения, помните: это жизнь говорит с вами на единственном хорошо ей известном языке.

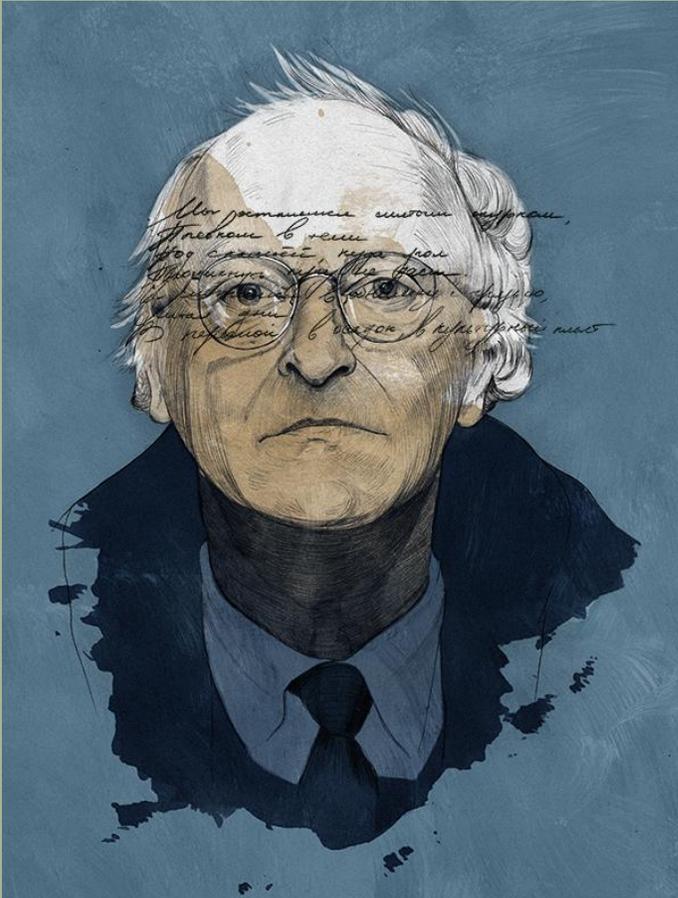
2. Умейте прощать.

- Мир, в который мы вступили, не имеет хорошей репутации. Это не милое местечко, как вы вскоре обнаружите, и я сомневаюсь, что оно станет намного приятнее к тому времени, когда вы его покинете. Однако это единственный мир, имеющийся в наличии: альтернативы не существует, а если бы она и существовала, то нет гарантии, что она была бы намного лучше этой. Поэтому старайтесь не обращать внимания на тех, кто попытается сделать вашу жизнь несчастной. Таких будет много — как в официальной должности, так и самоназначенных. То, что делают ваши неприятели, приобретает свое значение или важность от того, как вы на это реагируете. Поэтому промчитесь сквозь или мимо них, как если бы они были желтым, а не красным светом. Так вы избавите клетки вашего мозга от бесполезного возбуждения. Переключите канал: вы не можете прекратить вещание этой сети, но в ваших силах по крайней мере уменьшить ее рейтинг.

3. Сосредоточьтесь на точности вашего языка.

- Старайтесь расширять свой словарь и обращаться с ним так, как вы обращаетесь с вашим банковским счетом. Уделяйте ему много внимания и старайтесь увеличить свои дивиденды. Цель в том, чтобы дать вам возможность выразить себя как можно полнее и точнее. Одним словом, цель — ваше равновесие. Ибо накопление невыговоренного, невысказанного должным образом может привести к неврозу. Чтобы этого избежать, не обязательно превращаться в книжного червя. Надо просто приобрести словарь и читать его каждый день, а иногда — и книги стихов. Они достаточно дешевы, но даже самые дорогие среди них стоят гораздо меньше, чем один визит к психиатру.

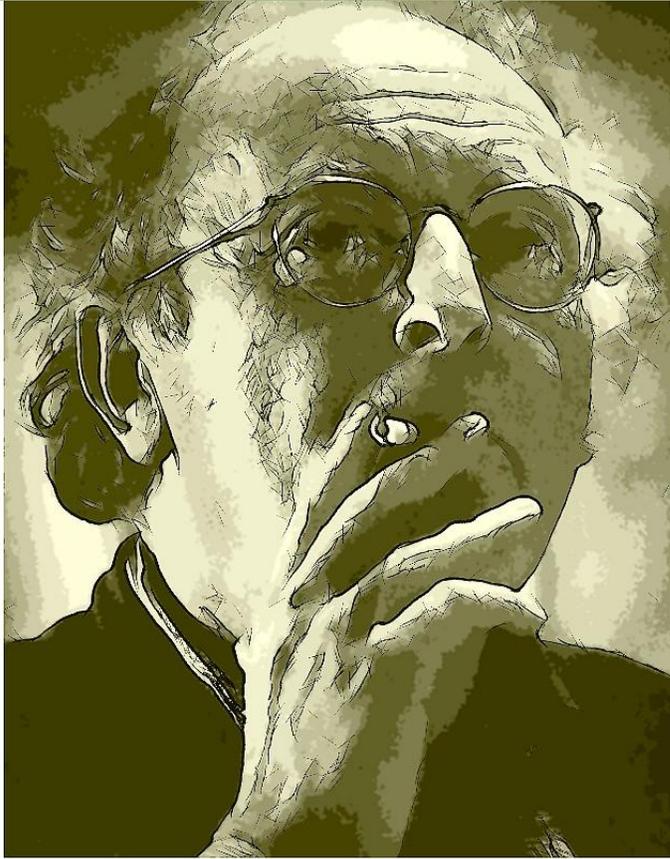

4. Старайтесь быть добрыми к своим родителям.

- Если это звучит слишком похоже на «Почитай отца твоего и мать твою», то прошу прощения. Я лишь хочу сказать: старайтесь не восставать против них, ибо, по всей вероятности, они умрут раньше вас, так что вы можете избавиться себя по крайней мере от этого источника вины, если не горя. Если вам необходимо бунтовать со всеми этими «я-не-возьму-у-вас-ни-гроша», бунтуйте против тех, кто не столь легко раним. Родители — слишком близкая мишень (так же, впрочем, как братья, сестры, жены или мужья). Дистанция такова, что вы не можете промахнуться.

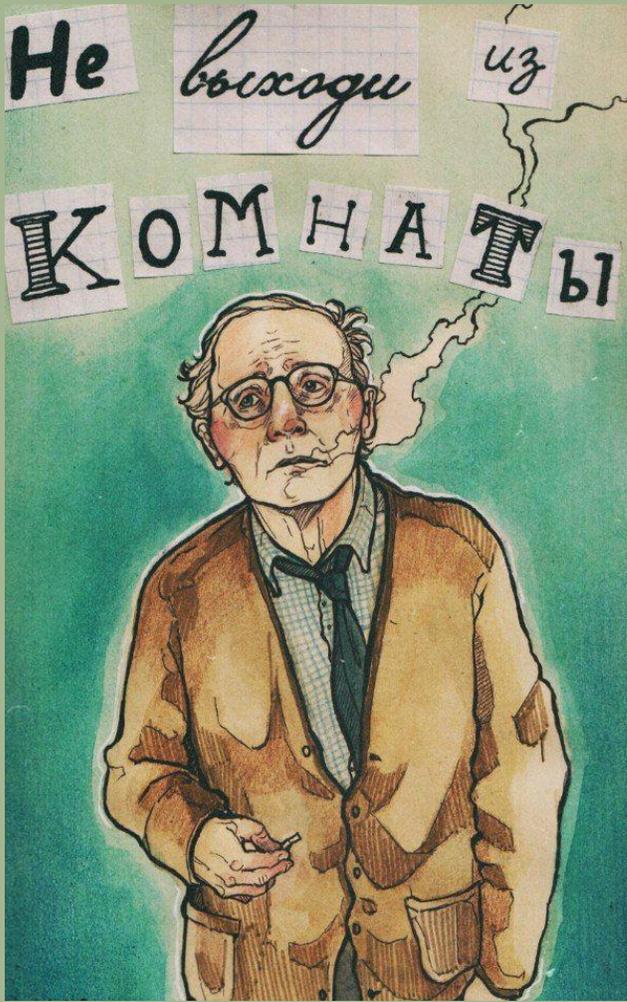
5. Старайтесь не слишком полагаться на политиков.

- Не столько потому, что они неумны или бесчестны, как чаще всего бывает, но из-за масштаба их работы, который слишком велик даже для лучших среди них. Они могут несколько уменьшить социальное зло, но не искоренить его. Каким бы существенным ни было улучшение, с этической точки зрения оно всегда будет пренебрежимо мало, потому что всегда будут те, — хотя бы один человек, — кто не получит выгоды от этого улучшения. Мир несовершенен. Золотого века никогда не было и не будет. В свете этого — или, скорее, в потемках — вы должны полагаться на собственную домашнюю стряпню, то есть управлять миром самостоятельно. Но даже в пределах вашего собственного пирога вы должны приготовиться к тому, что вам, по всей вероятности, придется отведать в равной мере и благодарности, и разочарования.

6. Старайтесь быть скромными.

- Уже и сейчас нас слишком много — и очень скоро будет много больше. Это карабканье на место под солнцем обязательно происходит за счет других. То, что вам приходится наступать кому-то на ноги, не означает, что вы должны стоять на их плечах. Так что, если вы хотите стать богатыми, или знаменитыми, или и тем и другим, — в добрый час, но не отдавайтесь этому целиком. Всегда помните, что рядом с вами всегда кто-то есть — ближний. Никто не просит вас любить его, но старайтесь не слишком его беспокоить и не делать ему больно. На худой конец, постарайтесь вспомнить, из какого далека — от звезд, из глубин Вселенной, возможно, с ее противоположного конца — пришла просьба не делать этого, равно как и идея возлюбить ближнего, как самого себя.

*Ты впускаешь Бродского
в свое сознание,
а он
не выпускает тебя
из комнаты.*

Спасибо за
внимание!
Не
совершайте
ошибок!
любите
КОТИКОВ И
ЛИТЕРАТУРУ!

